

После приземления в Лхасе семья из трёх человек отправилась навестить однокурсницу матери Се Цзыцзина, где их тепло приняли.

Планируя маршрут, отец настоял на посещении Храма Цзиу и расположенного неподалёку Луцюаня. Через несколько дней они попрощались с хозяйкой и отправились в путь на арендованной машине. Дорога была долгой, с частыми остановками, и они наслаждались свободой и радостью путешествия. Накануне прибытия в Храм Цзиу они остановились на ночь в местном гостевом доме.

Узнав, что они направляются в Храм Цзиу, хозяин гостевого дома настоятельно рекомендовал задержаться там подольше. В последнее время наблюдались необычные небесные явления, и ходили слухи, что давно пересохший Луцюань может вновь наполниться сладкой грунтовой водой.

Се Цзыцзин внезапно заинтересовался этим. Чтобы исполнить его желание, на следующий день они отправились в путь, готовые разбить лагерь у Луцюаня.

На следующий вечер, покинув Храм Цзиу, семья отправилась пешком к Луцюаню, следуя указаниям карты и проводника.

— На этом всё, — сказал Се Цзыцзин. — То, что произошло дальше, я совершенно не помню.

Он пришёл в себя в больнице, родителей рядом не было. В палате находились несколько Стражей и Проводников, которые, увидев, что он очнулся, сразу же подошли с вопросами.

Именно тогда Се Цзыцзин узнал, что его родители пропали.

Ни в Луцюане, ни в Храме Цзиу не удалось найти никаких следов их исчезновения.

— Ты помнишь дату того дня? — спросил Цинь Гэ.

— 7 августа.

Цинь Гэ замолчал.

— Это был тот же день? — спросил Се Цзыцзин. — Что и в Луцюане?

— Да, — кивнул Цинь Гэ.

Странно, но в его сердце не было ни печали, ни гнева. Вместо этого он испытывал ещё более тягостное беспокойство.

Инцидент в Луцюане не только унёс жизни всех членов Отряда «Сокол», но и привёл к исчезновению двух посторонних. Даже такой высокопоставленный человек, как Гао Тяньюэ, не смог найти никаких зацепок... Смогут ли они сами что-то выяснить?

Но, вспомнив о Гао Тяньюэ, Цинь Гэ вдруг осознал одну вещь — Се Цзыцзина насильно впахнули в Отдел регулирования, к нему самому, именно Гао Тяньюэ.

Цинь Гэ был единственным ментальным регулятором в Кризисном бюро, и только он мог проводить глубокое погружение в «море сознания» Се Цзыцзина по приказу Гао Тяньюэ.

— Се Цзыцзин, что находится за пределами комнаты? — Цинь Гэ взял его за руку. — Ты ведь сам знаешь, правда? Ты солгал мне, что там только эта комната, но это невозможно. Даже Лу Цинлай знает о тебе...

Се Цзыцзин взял его за руку и поднялся, заставив Цинь Гэ последовать за ним. Даже в «море сознания» самосознание Се Цзыцзина слегка дрожало.

Это был сильный страх. Цинь Гэ не знал, что именно пугало его — то, что находилось за пределами комнаты, или он сам, решивший исследовать то, что за ней.

Лу Цинлай не раз предупреждал его, что Се Цзыцзин использует эту комнату, чтобы поддерживать свою «нормальность», а за её пределами находится жестокое море сознания, с которым он сам не может справиться. Цинь Гэ чувствовал тревогу, и на мгновение в нём даже возникло желание отступить: не входить, не исследовать, чтобы не причинять Се Цзыцзину страданий.

Но юноша крепко держал его за руку и, несмотря на страх, шаг за шагом вёл его к шкафу.

Цинь Гэ словно прошёл сквозь ледяную воду. Темнота, как пронизывающий холод, окутала всё его сознание.

Он вышел из воды и ступил за пределы комнаты.

«Море сознания» у каждого своё, и у разных людей оно проявляется по-разному.

У кого-то оно богато, у кого-то бедно; Цинь Гэ видел горы, видел океаны, видел тихие городки у подножия заснеженных вершин и даже медленно плывущий красный воздушный шар среди плотной застройки города.

Но он никогда не думал, что в «море сознания» Се Цзыцзина окажется среди руин.

Куда ни глянь, всюду виднелись обгоревшие останки. На чёрных, обугленных стенах вились

крово-красные лозы, а с мутного неба капала зловонная вода, проходя сквозь тело Цинь Гэ и разбрызгиваясь в лужах на земле. Волны, словно рёбра, расходились кругами, освещённые холодным лунным светом, и тянулись от ног Цинь Гэ вдаль.

Это были руины, простирающиеся до самого горизонта, и в далёкой дали мерцал холодный серебристый свет. Руины были погружены в мелкую воду, и, сделав шаг вперёд, Цинь Гэ почувствовал, как бесчисленные маленькие ладошки цепляются за его обувь, затрудняя движение.

Словно здесь когда-то стоял огромный город, который должен был быть полон жизни. Но теперь в этом «море сознания» царил только безмолвная смерть.

Цинь Гэ не мог идти дальше. Перед ним лежала обгоревшая балка, и он попытался проползти под ней, но вода была полна острых камней.

Среди руин одиноко стоял маленький дом, квадратный и аккуратный. Его стены были выкрашены в белый цвет, чистый, без единого пятна. Се Цзыцзин стоял перед домом, и его фигура, казалось, была окутана белым светом, который делал его выражение лица нечётким.

— Ты туда не дойдёшь, — крикнул Се Цзыцзин, увидев, как Цинь Гэ карабкается на обрушившуюся стену, направляясь к далёкому серебристому свету. — Бесполезно! Даже я туда не могу добраться.

Цинь Гэ не поверил. Стиснув зубы, он медленно пополз к свету. В руинах он двигался не своим настоящим телом, и он был рад этому: в руинах было слишком много невидимых ловушек, но ни одна из них не могла причинить ему вреда. Он затаил дыхание и продолжал ползти вперёд, пока не почувствовал, что время патрулирования «моря сознания» подходит к концу.

Серебристый свет всё ещё мерцал вдалеке, расстояние до него не изменилось. Цинь Гэ оглянулся и увидел, что Се Цзыцзин и белый дом уже далеко позади. Словно среди чёрных, неровных руин кто-то поставил белый куб, а внутри него — маленькую фигурку.

Мысль о том, что Се Цзыцзин каждый день ходит среди этих руин, сжимала сердце Цинь Гэ, не давая дышать.

Он пополз обратно, а Се Цзыцзин сделал несколько шагов ему навстречу и крикнул:

— Я же предупреждал тебя!

Голова Цинь Гэ гудела. Он знал, что скоро покинет это «море сознания», и не был уверен, хватит ли у него смелости вернуться сюда снова.

— Ты всегда здесь находишься? — крикнул Цинь Гэ. — Се Цзыцзин! Ответь мне!

Холодный ветер надувал спортивный костюм юноши, а холодный дождь проходил сквозь его тело, ударяясь о землю. Цинь Гэ услышал, как Се Цзыцзин ответил ему детским голосом:

— Да, я исследовал это место уже давно! Поверь мне, здесь нет пути.

Цинь Гэ почувствовал, как под ногами исчезла опора, и он резко упал вниз.

Сильное чувство потери равновесия и головокружение заставили его желудок сжаться, и что-то поднялось от живота к горлу.

— Цинь Гэ?

Он услышал, как Се Цзыцзин зовёт его по имени. Это был знакомый голос, слегка хриплый, изъеденный никотином и табаком.

Цинь Гэ оттолкнул его и бросился в туалет. Он склонился над унитазом, и его вырвало всем содержимым желудка. Слезы текли без остановки, и Цинь Гэ не мог понять, вызваны ли они тем, что он увидел в «море сознания», или просто рвотой. Он потянулся за салфетками, но его пальцы были слабыми, и даже попытка схватить их заставляла мышцы дрожать. Холодный пот пропитал его одежду, и Цинь Гэ чувствовал головокружение, а в ушах стоял звон.

Но больше всего его пугало то, что в голове не было ни одной мысли, которая могла бы его взбодрить.

Гнетущее чувство депрессии заполнило его сознание, и он, стоя на коленях на полу ванной, подумал о том, чтобы опустить голову в унитаз и нажать на кнопку смыва.

Это невозможно, слишком сложно. Это руины.

Это были руины, которые когда-то были полностью разрушены, и он не мог их восстановить, его способностей не хватало для этого. Он даже начал сожалеть о том, что вообще вошёл в «море сознания» Се Цзыцзина. Лу Цинлай был прав, это было нечто, что специально скрывали, и никто не мог к этому прикоснуться, никто не мог ничего сделать.

Услышав звук за спиной, Цинь Гэ обернулся. Се Цзыцзин стоял в дверях ванной и смотрел на него, но не подошёл.

Перед глазами Цинь Гэ всё было расплывчато, он вытер глаза салфеткой и шмыгнул носом. Впервые он увидел на лице Се Цзыцзина выражение страха, словно тот хотел спросить, но не решался.